

HISTORY OF THE EAST

Universal History

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Научная статья

Исторические науки

УДК 930.1:321.7(294.5)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-845-853>

Движение / передвижение правителя в контексте позднесредневековых сикхских представлений об идеальном государстве

Кирилл Андреевич Демичев

*Нижегородский институт управления — филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Нижний Новгород, Россия,
kadem@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2958-7856>*

Аннотация. Представление об идеальном государстве формировалось у сикхов в процессе складывания элементов государственности в XVII–XVIII вв. При этом сама концепция такого государства практически не привлекала внимания исследователей, как и образ его правителя. Целью настоящей работы является анализ образа идеального сикхского правителя, отраженного в своеобразном «кодексе поведения» сикха Прем Сумараг, созданном в жанре рахит-нама, с позиций методологического подхода антропологии движения. На основе текстуального анализа обосновывается, что концепт движения правителя не разрабатывался в качестве самостоятельного сюжета. Однако при этом сикхский правитель не был абсолютно статичным. Для создателей Прем Сумараг было важным подчеркнуть достойный способ передвижения, соответствующий высокому статусу правителя. При этом предлагались как локальные схемы движения — внутри дворцового комплекса, так и глобальные — по всей стране, в условиях войны. Однако и в этом случае ведущее место занимает вопрос: как движется идеальный правитель, а не куда пролегает его маршрут.

Ключевые слова: сикхи, рахит-нама, Прем Сумараг, идеальное государство, идеальный правитель, антропология движения

Для цитирования: Демичев К. А. Движение / передвижение правителя в контексте позднесредневековых сикхских представлений об идеальном государстве

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Демичев К. А., 2024
© Ориенталистика, 2024

стве. *Ориенталистика*. 2024;7(4-5):845–853. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-845-853>.

Original article
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-845-853>

History studies

The Mobility of the Ruler in the context of Late Medieval Sikh ideas about the ideal State

Kirill A. Demichev

Nizhny Novgorod Institute of Management is a branch of the Federal State Budgetary educational Institution of Higher Education "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation", Nizhny Novgorod, Russia, kadem@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2958-7856>

Abstract. The concept of an ideal state was formed among Sikhs in the process of formation of elements of statehood in the 17th–18th centuries. Remarkably, such a concept, as well as that of an ideal ruler escaped the scholars' attention. This article aims to analyse the image of an ideal Sikh ruler, reflected in a peculiar 'code of conduct' of a Sikh Prem Sumarag. This text is written in the "genre" of *rahit-nama*, from the perspective of the methodological approach of movement anthropology (mobility). Based on textual analysis, it is substantiated that the concept of the ruler's movement was not developed independently. At the same time, however, the Sikh ruler was not static. It was important for the creators of Prem Sumarag to emphasise a dignified mode of movement appropriate to the high status of the ruler. There were suggested localised movement patterns within the palace complex and global movement patterns throughout the country in the context of war. However, in this instance, too, the leading question is regarding the actual movements of the ideal ruler rather than the aim of his journey.

Keywords: Sikhs, *rahit nāmā*, Prem Sumarag, ideal state, ideal ruler, anthropology of the mobility

For citation: Demichev K. A. The Mobility of the Ruler in the context of Late Medieval Sikh ideas about the ideal State. *Orientalistica*. 2024;7(4-5):845–853. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-845-853> (in Russian).

Введение

Практика движения / передвижения правителей, прежде всего, в границах собственных владений, едва ли когда-либо в мировой истории носила произвольный и случайный характер. Разработка определенных маршрутов обычно являлась целенаправленным действием, а не просто реакцией на какие-то события, требующие личного присутствия носителя высшей власти в их эпицентре или же в утилитарно достаточной территориальной близости, но

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

была результатом формируемой и часто вполне осознанной практики публичной демонстрации власти, направленной на определенных акторов или же неопределенный круг лиц.

Движение в данном случае выступает в качестве особого объекта исследования и понимается в рамках методологического подхода антропологии движения, как перемещение [Кошелева, 2022, с. 309]. Причем человек в данном случае выступает как плод движения и одновременно — как его генератор [Головнев, 2009, с. 11]. Речь идет именно о пространственном перемещении из одной территориальной точки в другую. Как справедливо отмечала С. Е. Сидорова, выделение собственно движения требует от исследователя помещения изучаемых объектов в систему пространственно-временных координат, которая базируется на глаголах движения, перечисляемых географических пунктах и пр. [Сидорова, 2015, с. 42]. Собственно, без выстраивания такой системы координат сама фиксация движения становится делом, если и не невозможным, то весьма затруднительным.

При этом изучение реальных практик движения правителей было бы неполным без анализа сложившихся представлений о том, как именно должен передвигаться правитель в процессе реализации своих властных полномочий, какова идеальная модель таких передвижений. Однако здесь исследователь нередко сталкивается с целым комплексом проблем. Одна из них, например, — недостаточная разработанность представлений об идеальном государстве и идеальном правителе, или же игнорирование в рамках таких представлений вопроса движения / передвижения лица, наделенного властью. Другая, встречающаяся гораздо чаще, — недостаточность источниковой базы, которая бы позволяла судить об идеальных формах мобильности правителя.

В этом отношении ситуация с представлениями о движении сикхских гуру со второй половины XV по начало XVIII в. является весьма показательной. И дело здесь даже не в фрагментарности самой источниковой базы и отсутствии рефлексии самих гуру относительно их собственной практики движения, за исключением последнего десятого гуру Гобинда Сингха (1675–1708), который оставил сочинение автобиографического характера *Бачиттап Намак* («Пестрая драма»), а в том, что движение как таковое практически не описывалось и, видимо, не осознавалось как деятельность, имеющая самоценное значение.

Сложность ситуации с сикхскими гуру заключалась и в том, что первоначально гуру не претендовали на элементы светской власти, а складывание элементов государственности со всеми соответствующими атрибутами началось только на рубеже XVI–XVII вв. [Демичев, 2017, с. 257–258]. Генезис государственности не отличался высокими темпами, что было связано как с теократической природой власти гуру, так и со спецификой возникновения государственности в границах северо-западной части Могольской империи, т. е. в пределах уже существующего государственного образования, в военной конфронтации к которому сикхи находились почти два столетия.

При десятом гуру Гобинде Сингхе сикхи обрели фактическую независимость от Моголов, в то же время сохраняя обеспечение постоянного контроля над подвластными им территориями и находясь в ожесточенном военном

столкновении с империей. В конечном счете это способствовало формированию устойчивых представлений среди сикхов как о государственности в целом, так и об идеальной форме такой государственности, органично включающей в себя учение о правителе и его прерогативах.

Прем Сумараг, как основной источник изучения концепции идеального сикхского государства XVIII в.

Прем Сумараг (в переводе с панджаби «Путь любви», или «Путь истинной любви») является уникальным сикхским произведением, относящимся к жанру *рахит-нама*. Дословно с панджаби *рахит-нама* переводится как «правила поведения», или «руководство по поведению», т. е. фактически это кодекс правил поведения сикхов — членов воинского братства *Халсы*, включающих в себя не только собственно правила жизни, но и принципы, в соответствии с которыми они установлены [Singha, 2000, p. 168, 169]. Исследователи традиционно относят складывание этого жанра к периоду жизни десятого сикхского гуру Гобинда Сингха, связанному с созданием *Халсы* и первым десятилетием ее становления [Brill's..., 2017, p. 183].

Уникальность *Прем Сумараг* заключается в том, что, в отличие от других *рахит-нама*, относящихся к XVIII и XIX вв. и представляющих собой сборники достаточно кратких и лаконичных предписаний, это произведение гораздо более пространно, с четко выделяемой проблемно-тематической структурой, богатым, образным и даже отчасти витиеватым языком. Четкость изложения отдельных вопросов жизни сикха и сикхской общины позволила современным исследователям разбить текст *Прем Сумараг* на десять смысловых разделов, получивших условное название глав, хотя в изначальном тексте такого деления, видимо, не было.

Относительно датировки *Прем Сумараг* среди современных исследователей единство мнений отсутствует, тем более что известные в настоящее время полные списки относятся только к XIX в., а первая глава в отрыве от других частей рукописей встречается не ранее 1815 г. [*Prem Sumarag...*, 2006, p. 7]. Однако отнесение времени создания *Прем Сумараг* к XVIII в. представляется наиболее обоснованным, нежели чем более поздние датировки, поскольку в настоящее время известен английский перевод с панджаби этого произведения, который был сделан в 1809 г. доктором Джоном Лейденом с не дошедшего до нас списка и ныне хранится в Британской Библиотеке [McLeod, 2007, p. 124, 127].

В целом на сегодняшний день касательно датировки *Прем Сумараг* сложилось три подхода. Странники поздней датировки этого *рахит-нама* считают временем его создания XIX в., чаще указывая на период правления махараджи Ранджита Сингха (1799–1839) [*Prem Sumarag...*, 2006, p. 5], который объединил большую часть сикхов в рамках мощной региональной империи на северо-западе Индостана. Однако такой подход, хотя он и не перешел еще окончательно в разряд маргинальных, имеет все меньшее число сторонников.

Второй подход к датировке можно охарактеризовать как ранний — начало и первая половина XVIII в. К нему склоняется наибольшее число исследователей [*Prem Sumarag...*, 2006, p. 5].

Третий подход, которого, в частности, придерживался крупнейший исследователь сикхизма и сикхской литературы Уильям Маклеод, базируется на датировке, относящейся ко второй половине — последней четверти XVIII в. [McLeod, 2007, p. 124].

Подход автора данной статьи к проблеме датировки произведения будет сформулирован ниже, исходя из содержательной характеристики восьмой главы *Прем Сумараг*.

Содержательное наполнение *Прем Сумараг*, исходя из жанровой особенности *рахит-нама*, претендует на охват всех сторон жизни сикха — как члена сикхской общины. Здесь подробно регламентируются вопросы ритуальной практики, актов личного и коллективного благочестия, ритуалов, связанных с рождением, браком и смертью, уходом за собственным телом и пр. Однако важнейшей особенностью *Прем Сумараг* и его главным отличием от других *рахит-нама*, является наличие подробного описания идеальной модели сикхского государства и верховной власти, сосредоточенной в руках единоличного правителя. Именно описанию такой модели посвящена восьмая глава этого произведения.

Анализ выводимой модели сикхского государства открывает широкие перспективы не только для датировки самого *Прем Сумараг*, но и дает возможность выявить особенности идеальной формы государственности в условиях перехода мирского компонента власти в руки сикхской общины после смерти десятого гуру Гобинда Сингха в 1708 г. В таком контексте следует отметить, что поздняя датировка *Прем Сумараг* (XIX в.) представляется абсолютно нереальной, даже без учета фактора перевода доктора Джона Лейдена 1809 г. Здесь можно полностью согласиться с аргументом ведущего специалиста по панджабской литературе профессора Джаггара Сингха Гревала, который указал, что предложенная автором / авторами *Прем Сумараг* государственная модель восходит к могольским образцам и не содержит каких-либо особых элементов государственности, сформированных в период правления махараджи Ранджита Сингха [*Prem Sumarag...*, 2006, p. 5]. Правда, здесь следует еще добавить и тот аргумент, что, по крайней мере, содержание восьмой главы восходит все же к первой половине XVIII в., т. е. еще к периоду, предшествующему образованию союза военно-территориальных образований *мисалов*, которые постепенно проходили путь обретения признаков самостоятельного княжеств [Демичев, 2011, p. 219–220]. Дело здесь в том, что о специфической практике *раххи* — взимании натуральной дани с подконтрольной территории в обмен на военное покровительство, формировании практики ежегодных съездов представителей двенадцати военно-территориальных объединений — *мисалов* в священном городе сикхов Амритсаре и прочих специфических элементах второй половины XVIII в. в *Прем Сумараг* ничего не говорится.

Идеальный сикхский правитель и его практика движения в *Прем Сумараг*

Первые прочтения *Прем Сумараг* оставляют устойчивое ощущение, что в идеальном сикхском государстве не менее идеальный правитель оказывается удивительно статичен и практически недвижим. Этот носитель высшей власти, который в рамках одной главы именуется и раджей, и махараджей, а иногда

и падишахом [*Prem Sumarag...*, 2006, р. 82–84, 87, 93–95], является единственным центром сосредоточения власти и единственным своеобразным местом силы в масштабах всей сикхской державы. Правитель даже отчасти напоминает паука, который распускает и, держа в натяжении, контролирует многочисленные нити, которые, исходя из центра принятия решений, соединяют между собой институты, органы и должностных лиц страны сикхов.

Здесь необходимо отметить, что для сикхов такой подход едва ли представлялся каким-либо новаторским. Во времена десяти гуру длительное время, даже уже на этапе складывания элементов государственности, отношения между гуру и его последователями носило, в первую очередь, характер личной унии, а не территориально-пространственного объединения. Сам гуру являлся центром притяжения для своей паствы, где бы он ни находился. В свете этого неудивительно, что уже к концу XVI в. сикхи начинают воспринимать своих гуру не только в качестве высших духовных авторитетов, но и в качестве светских правителей, наделенных мирской властью. Неслучайно, что в компилятивной работе о «религиях и сектах» Индостана *Дабистан-и-Мазахиб*, законченной не позднее 1653 г., анонимный автор, выступающий под псевдонимом Мобад, отмечает, что пятый сикхский гуру Арджуна (1581–1606) имеет титул *сачча падишах*, то есть «истинный падишах», или «истинный государь» [Habib, 2001, р. 66].

Уже при сыне Арджуна, шестом гуру Харгобинде (1606–1644), согладатаи могольского императора Джахангира с тревогой доносили своему владыке: «Его (Харгобинда. — *К. Д.*) слава в два или даже четыре раза больше, чем у всех предыдущих гуру. Его предшественники сидели на скамьях, а он восседает на троне. Он носит оружие, именуется истинным государем, принимает дары как император, содержит армию из тысяч храбрых юношей и никого не признает» [Macauliffe, 1909, р. 10]. Таким образом, еще за столетие до появления *Прем Сумараг* среди сикхов уже сложились представления о собственном лидере как носителе высшей власти, который сосредоточивает ее лишь в своих руках.

Многочленные и всеобъемлющие властные prerogatives правителя в *Прем Сумараг* подтверждают верность концепта концентрации власти, но при этом в ближайшем рассмотрении эта концепция видится не столь плоской и схематичной, как представляется при первом прочтении.

Действительно, в начале возникает ощущение поразительной пространственной стабильности правителя. Он — воплощение власти, центр ее сосредоточения. Подчеркивается, что, если раджа вызывает кого-либо к себе, то тот должен немедленно откликнуться и явиться, независимо от местонахождения. «Хоть он может быть в семи косах (примерно 21 км. — *К. Д.*), он должен прийти (немедленно) и смиренно засвидетельствовать свое почтение» [*Prem Sumarag...*, 2006, р. 83]. Описание конкретных властных prerogatives и форм их реализации только усиливает первоначальное ощущение пространственной стабильности сикхского правителя.

Первое прямое указание в *Прем Сумараг* на то, что правитель не абсолютно статичен, связано с рекомендациями по распределению времени в течение дня в связи с выполнением различных обязанностей. Особо отмечается, что фиксированное количество времени должно быть выделено для приема пищи,

заслушивания отчета о событиях предыдущего дня, для ежедневного слушания Вед, отдыха, конфиденциальных консультаций с советниками и для посещения *зенаны* (женская часть дома, дворца. — *К. Д.*) [*Prem Sumarag*, 2006, p. 92].

Очевидно, что все эти виды деятельности, а также отдых и досуг, связанные с временными характеристиками, не осуществляются в одной точке, пусть и в рамках дворцового комплекса. Фиксация видов деятельности во времени влечет за собой косвенное указание на перемещение правителя между локациями в целях их реализации.

Еще один пример мобильности правителя, впрочем, также ограниченный пределами дворцового комплекса, связан с предписанием его личного участия в зажжении фонарей в ночь новолуния каждого месяца [*Prem Sumarag...*, 2006, p. 92]. Учитывая, что фонари предписывается устанавливать как в помещении, так и на открытом воздухе, несомненно, что правитель должен следовать определенному маршруту для соответствующего возжжения, т. е. осуществлять необходимые пространственные перемещения, пусть и локального характера.

Автор / авторы *Прем Сумараг* уделили толику своего внимания и тому, *как*, а не только *куда* движется правитель. Причем, создается устойчивое ощущение, что это *как* гораздо более значимо, чем *куда*, поскольку цели движения потенциально могут быть совершенно различны, а вот способ передвижения всегда должен соответствовать высокому статусу первого лица государства. Необходимость подчеркивания суверенного статуса правителя было органично связано и с организацией соответствующего способа передвижения. Махараджу должен всегда сопровождать блистательный кортеж с большим количеством различных достойных, уважаемых людей [*Prem Sumarag...*, 2006, p. 101]. При этом есть только два вида верховых животных достойных нести правителя.

Во-первых, это лошади золотой масти, хотя в случае отсутствия таковых допустимо использовать скакунов голубой масти (дословно «цвета голубой белки», т. е. цвета *ратуфы* — индийской гигантской белки (лат. *Ratufa indica*). — *К. Д.*) [*Prem Sumarag...*, 2006, p. 101].

Во-вторых, достойным способом передвижения выступает движение на белом слоне. Однако и здесь *Прем Сумараг* прямо допускает вариативность, указывая, что, если белого слона нет в наличии, то возможно и передвижение на слоне, лишь выкрашенном в белый цвет [*Prem Sumarag...*, 2006, p. 101].

Единственный случай, когда цель движения не сводится к локальным рамкам дворцового комплекса, — это когда движение правителя осуществляется в условиях ведения военных действий. Тут особо подчеркивается, что повод для передвижения столь значим, что единственным его достойным и присущим правителю видом может быть только верховой, причем исключительно на коне. В этом случае правитель выступает как сикхский командир и военный вождь. Образы командира и всадника в условиях ведения войны связаны между собой неразрывно, как неразрывно связаны военные и гражданские prerogatives махараджи. Это означало, что, куда бы правитель во время войны не следовал, даже когда его маршрут и не был непосредственно связан с военными действиями, он всегда передвигается верхом на коне [*Prem Sumarag...*, 2006, p. 101]. Таким образом, верховный сикхский правитель воплощал идеал военного вождя и лично храброго воина, достойного возглавлять страну сикхов.

Заключение

В целом, практика движения / передвижения правителя в рамках учения об идеальном сикхском государстве не разрабатывалась в качестве особого самостоятельного сюжета. Отчасти это было обусловлено общей схематичностью самой модели, а отчасти было связано с тем, что концепт самого движения не был должным образом разработан и осознан. Между тем, для автора / авторов *Прем Сумараг* было важным подчеркнуть достойный способ передвижения, соответствующий высокому статусу правителя. В то же время в рамках утилитарных советов правителю предлагались определенные локальные схемы мобильности в пределах дворцового комплекса для реализации определенных полномочий.

Глобальное представление о движении правителя находилось исключительно в контексте его руководства боевыми действиями в случае военной угрозы. Однако и в этом случае ведущее место отводится тому, *как* движется правитель, а не *куда* пролегает его маршрут.

Список литературы / References

1. Головнев А. В. *Антропология движения (древности Северной Евразии)*. Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009 [Golovnev A. V. *Anthropology of Movement (Antiquities of the North Eurasia)*. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Volot, 2009 (in Russian)].
2. Демичев К. А. От общины к империи: сикхские модели территориального устройства XVI — первой половины XIX в. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2017. № 4(58). С. 255–269 [Demichev K. A. From the Community to the Empire: Sikh Models of the Territorial Organization in the 16th — the First Half of the 19th Century. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2017. № 4(58), pp. 255–26. (in Russian)].
3. Демичев К. А. Складывание сикхской фискальной системы и ее особенности в государстве Ранджита Сингха. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2011. № 4–1. С. 217–224 [Demichev K. A. Establishment and Special Features of the Sikh Fiscal System in the State of Ranjit Singh. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2011. No. 4–1, pp. 217–224 (in Russian)].
4. Кошелева А. Ю., Никитин М. А. К вопросу о методологии антропологии движения. *Вестник антропологии*. 2022. № 1. С. 302–311 [Kosheleva A. Yu., Nikitin M. A. To the Methodology of the Anthropology of Movement. *Herald of Anthropology*. 2022. No. 1, pp. 302–311 (in Russian)].
5. Сидорова С. Е. Движение и пространство в теоретическом дискурсе. Мобильный поворот на стыке дисциплин. *Под небом Южной Азии. Движение и пространство: парадигма мобильности и поиски смыслов за пределами статичности*. Рук. проекта И. П. Глушкова, отв. ред. С. Е. Сидорова. М.: Наука; Восточная литература, 2015 [Sidorova S. E. Mobility and Space in theoretical discourse. A mobile turn at the intersection of disciplines. *Under the Skies of South Asia. Mobility and Space: the paradigm of mobility and the search for meanings beyond static*. Project director I. P. Glushkova, Resp. ed. S. E. Sidorova. Moscow: Nauka; Vostochnaya literature, 2015 (in Russian)].

6. *Brill's Encyclopedia of Sikhism*. Vol. 1: *History, Literature, Society, Beyond Punjab*. Ed. by Knut A. Jacobsen, Gurinder Singh Mann, Kristina Myrvold, Eleanor Nesbitt. Leiden — Boston: Brill, 2017.
7. Habib I., Greval J. S. (eds and transl.). *Sikhs History from Persian Sources*. Delhi: India History Congress and Tulika, 2001.
8. Macauliffe M. A. *The Sikhs Religion. Its Gurus, Sacred Writing and Authors*. In 6 vols. Vol. IV. Oxford: Clarendon press, 1909.
9. McLeod W. H. Reflections on Prem Sumarag. *Journal of Punjab Studies*. Spring 2007. Vol. 14. No. 1, pp. 123–132.
10. *Prem Sumarag: The Treatise of a Sanatan Sikh*. Ed. by W. H. McLeod. New Delhi: Oxford University Press, 2006.
11. Singha H. S. *The Encyclopedia of Sikhism (over 1000 Entries)*. New Delhi: Hemkunt Press, 2000.

Информация об авторе

Демичев Кирилл Андреевич — кандидат исторических наук, доцент, Нижегородский институт управления — филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Россия; kadem@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2958-7856>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 01.09.2024; одобрена рецензентами 19.10.2024; принята к публикации 19.10.2024; опубликована 20.12.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Kirill A. Demichev — Ph. D. (Hist.), Associate Professor, Nizhny Novgorod Institute of Management is a branch of the Federal State Budgetary educational Institution of Higher Education “Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation”, Nizhny Novgorod, Russia; kadem@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2958-7856>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 01.09.2024; approved after reviewing 19.10.2024; accepted for publication 19.10.2024; published 20.12.2024.

The author has read and approved the final manuscript.